

МАРК КАТКИН
ЕКАТЕРИНА ОГАНОВА

маркиры
Возведем ~~маркиры~~ к бою

Марк Каткин
Екатерина Огарева
Возведем маркиры к бою

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29175424

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2718-0

Аннотация

Можно ли войти в одну реку дважды, если речь идет о настоящей любви? А трижды? Герои романа Марк и Кира снова и снова пытаются построить отношения, по всем статьям обреченные на провал. Когда цепочка случайных встреч обращается в закономерность, и сближение неизбежно, стоит ли искать обходной путь? Роман-исповедь, роман-откровение, в котором мужская проза вступает в сложный и проникновенный диалог с женской лирикой.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Марк Каткин
Екатерина Огарева

Возведём мёртвые *маркиры* к бою

2018

Глава 1. Простой разговор

Я увидел её имя на афише клуба «Commode» в центре. Просто свернул с Невского по пути на работу, остановился прикурить и зацепился взглядом за неброский чёрно-белый плакат:

Литературный вечер
«ДЫШИ СЛОВОМ»

Читают стихи знаменитые петербургские поэты:
Михаэль Вейн, Гера Шилов, Лина Ли...

Ни о ком из этих «знаменитостей» я, естественно, и слыхом не слыхивал. Зато среди десятка имен, объединенных заголовком «А ТАКЖЕ», я безошибочно выцепил ЕЁ имя. И фамилию. Новую.

Не знаю, что я почувствовал в тот момент: радость от такой нечаянной встречи или злость? Удивление от того, что

она выступает? Или даже какую-то ревность?

Я постоял у дверей клуба всего каких-то три минуты, докуривая сигарету и разглядывая афишу. А потом заторопился дальше и поспешил о ней забыть.

Но в моей душе началось какое-то брожение. Смутное беспокойство (или предчувствие?) не давало покоя весь оставшийся день. И даже вечером, когда гостей в ресторане стало заметно больше, и дел поприбавилось, мне было как-то не по себе.

Меня то ли знобило, то ли лихорадило. Я как-то особенно старался быть весёлым и беззаботным. Шутил удачно и неудачно, барабанил кулаками по барной стойке, кричал что-то официантам через весь зал. И только к концу смены, слегка захмелев, и устав от собственного остроумия, я, наконец-то, расслабился... И решил ИДТИ.

Я, конечно же, опоздал к началу. Намеренно. Вернее сказать, опоздали мы. То ли для балласта, то ли для внутренней устойчивости я прихватил своего приятеля и с некоторых пор «сожителя» Бобу.

Как и большинство приезжих, Боба (по паспорту Владимир) был вскормлен байками о «питерских интеллигентах» и втайне мечтал затереться в их ряды.

Завёлся он уже задолго до начала мероприятия, и всю дорогу до клуба нервно бубнил что-то неодобрительное по поводу современной литературы.

Внутри было неожиданно много народу. В основном зале, где и происходило поэтическое действо, мест не нашлось. Люди сидели впритирку не только за столиками и на диванах по периметру, но и на подоконниках, подлокотниках, приставных стульях. Тесное помещение, явно не ожидавшее такого аншлага, грозило лопнуть. Поэтому двери в зал пришлось открыть. Все «неуместившиеся» могли наблюдать за происходящим из общего бар-холла сквозь широкий портал дверного проема. Нам с Бобой повезло – мы успели занять два внезапно освободившихся высоких стула у барной стойки. Это было идеальное место для того, кто желал присутствовать и оставаться при этом незамеченным. Мы заказали по коктейлю «Old Fashioned»¹ и окунулись с головой в «высокодуховную атмосферу» (с гуманным ценником в «250 РЭ» за вход).

Импровизированная сцена располагалась прямо напротив нас, в угловом эркере зала, и представляла собой «слепое пятно», безжалостно высвеченное софитами. Время от времени из общей тёмной массы присутствующих поднималась чья-нибудь фигура и под приветственные аплодисменты зрителей перетекала на «светлую сторону» – явить свой поэтический талант.

Знаменитый поэт Михаэль Вейн, заявленный на афише

---

¹ Old Fashioned – (дословно: «старомодный»;) – коктейль-аперитив на основе виски.

первым, выступал еще и чем-то вроде импресарио: объявлял чтецов и разбавлял их выступления пространными комментариями

Но главным комментатором вечера был, несомненно, Боба! Уже после первой порции алкоголя его язык развязался, и он безостановочно бубнил своё внахлѣст на драматические выступления поэтов. Особенно доставалось от него читающим дамам.

То ли из зависти, то ли из чувства какого-то внутреннего злорадства после каждого их выступления Боба выдавал что-то вроде: «Ох, уж мне эти замужние поэтессы, за тридцать. Неудовлетвоѣнные женщины. Пыжутся, ст'очат чего-то высокопа'ное в свои блокнотики, а потом, на сцене воют, как волчицы на луну...»

Я был готов уже отпустить какой-нибудь колкий комментарий по поводу его собственного, весьма сомнительного творчества, но тут я услышал знакомое имя. ЕѢ имя.

– ... итак, Кира Ольшанская! Встречайте!

Аплодисменты. От плотной тени зала отделяется фигурка и спешит к сцене. Какой она кажется маленькой и беззащитной на этой слепящей поэтической арене.

Кира...

Как давно я тебя не видел? Пять лет? Семь?

Худенькая. Волосы собраны. Сама натянута, как стру-

*на. Тонкий свитерок под горло, прямые брюки. Без изысков.
Не зная, на чем зацепиться, взгляд падает на лицо...*

– О! Еще одна фа'соньетка²...

– Боба, закройся.

Простой разговор

Назвалась судьба твоим именем,

Не стучась, вошла в мою дверь.

Или я тебя,

Или ты меня!

Нет иных исходов теперь.

Коли выменял ум прагматика

На порыв безумный и страсть,

Или ты меня,

Или я тебя!

Кто-то должен сдаться и пасть.

Станет кто, любя,

Уязвимее?

Жизнь за нас решит этот спор.

Или я тебя,

Или ты меня...

Вот и весь простой разговор.

---

² «Фарсоньетка» – жарг., выдуманный героем. Образован сложением слов «фарс» и «шансоньетка».

– Не, ну а чё? Сильно! – голос Бобы вывел меня из транса. Он явно собирался комментировать дальше.

– Пошли.

– В смысле? Куда?

– Домой пошли.

Я буквально силком выволок приятеля на улицу. Мне было душно. Мне было шатко. Голова гудела, и тело пробирал нервный озноб.

– Ты чё? Пе’епил?

– Перепел я! Пошли, пока метро не закрыли.

Под мерный бубнёж Бобы мы прошли почти половину пути до метро. Начал накрапывать дождь. Рассеянно ступая в непросыхающие тёмные лужи, я размышлял о произошедшем. Интересно, заметила ли она меня? В какой-то момент мне и впрямь показалось, что читает она МНЕ, и стихотворение это про НАС: про меня и про неё. Но конечно, она не могла меня видеть. Я сидел далеко, было темно... Ну а что, если...?

– Слушай, я кое-что забыл там.

– Б’ат, ну ты вапще! Не бумажник, надеюсь?

– Нет, поважнее.

– Паспо’т что ли?

– Боб! Ты иди, а то на метро не успеешь. Я попозже подскачу.

– Не. Ты чё? Я тебя такого не оставлю.

– Я сказал: езжай домой!

Я резко развернулся и почти побежал обратно, оставив на полпути растерянного приятеля.

К моменту моего возвращения, народ из клуба стал потихоньку вытекать.

Кира стояла под козырьком у входа, явно раздумывая: стоит ли ей нырнуть под набирающий силу дождь?

– Привет.

– Привет. А я думала, ты так и исчезнешь, не поздоровавшись.

– Извини. Я тут с приятелем был... Вот проводил немного.

– Да ладно. – Кира улыбнулась. – А я вот, представляешь: зонт забыла.

– Я тоже.

Мы немного постояли молча и посмотрели на то, как идет дождь. Многие из выходящих на улицу начали в нерешительности останавливаться в дверях. Под козырьком становилось тесно.

– А ты торопишься? Может, переждем где-нибудь?

– А давай! – неожиданно для меня согласилась Кира.

Мы забежали под первую попавшуюся неоновую вывеску и нырнули в темную нору бара. Внутри былолюдно и шумно. Все столики оказались занятыми.

И, наскоро стряхнув с себя холодные капли дождя, мы

двинули прямо к барной стойке. Со знанием дела я начал изучать коктейльную карту.

– Может, чего-нибудь согревающего? Глинтвейн или кофе с коньяком?

Кира пожала плечами и обратилась прямо к бармену:

– Стопку водки. Всклень.

– Не понял. Вам в шот налить или...?

Кира закатила глаза:

– Всклень значит «до краев».

– Две. И солёный огурец, пожалуй, – даваясь от смеха, добавил я, – Для аутентичности (это уже в сторону Киры).

– У нас есть только оливки и корнишоны, – виновато заметил бармен.

– Давай последних!

Кира картинно уронила голову на скрещенные руки.

– А чего ты хотела? Изъясняешься выражениями из Словаря изящной русской словесности. Всклень...

– Нет такого словаря. Я по завету Солженицына стараюсь удержать «ближний пласт языка». Но он безвозвратно дохнет!

Я поморщился:

– Можно было и поизящнее выражение найти. «Испускает дух», например?

– Нет. Здесь он именно дохнет! Не чокаясь.

И Кира подхватила только что поставленный перед ней

шот³ водки. Старательно налитый «всклень».

Удивительно!

Я столько представлял себе нашу встречу. С томительным ожиданием кофе за аккуратным столиком. Мхатовскими паузами. Взглядами вскользь. Опадающей пенкой и возрожденными надеждами. Вздохами. Эquivoками. Потугами на интеллектуальный цинизм...

А мы даже не сидим – стоим бок-о-бок у стойки бара. Пьем водку. И смеёмся.

Глава 2. «Берлога»

Ещё не было сказано ничего о нашем прошлом. Никаких «Мы» и никаких «Если б...». Ни поцелуев. Ни обещаний. Ни томных взглядов, настойчиво ворошащих в глубинах памяти забытые чувства.

Но только лишь захлопнулась дверца попутки, увозившей Киру домой, я начал готовиться к её возвращению в свою жизнь.

И начал я, как водится, с нашей с Бобой «берлоги».

Мы снимали бывалую «двушку» на четвёртом этаже пегой хрущёвки.

Когда-то, вероятно, «двушка» была «трёшкой». Но узость

---

³ От англ. shot, – стопка для крепких напитков, выпиваемых «залпом».

кухни, напоминавшей скорее кладовую или бойлерную с огромным газовым котлом над раковиной, вынудили хозяев снести одну стену и провести незаконную перепланировку. В результате «сердцем» нашего жилища стала довольно просторная гостиная, разделённая посередине барной стойкой. Собственно, эта барная стойка с ядрёно-жёлтой глянцевой столешницей и хромированной ногой-пилоном и определила мой выбор квартиры.

Я снял её около двух лет назад. Через четыре года после нашего с Кирой расставания. И почти сразу в ней появился Боба.

Незадачливый бармен-на-подхвате, картавый любитель рэпа и всевозможных творческих прожектов. Боба находился в перманентном поиске: часто менял планы на жизнь и работу. В нашем баре он продержался от силы месяца три, и это ещё было о-го-го как много! Летом Вован неизменно вписывался в какой-нибудь «важный проект» (оказывающийся на деле работой диджея в детском лагере или должностью официанта на теплоходе) и исчезал на месяц-другой. Являлся ничуть не разбогатевшим, зато обросшим новыми речитативными небылицами и любовными победами. В реальности за два года он не привел домой ни одной девушки. Что, впрочем, я тоже эгоистично причислял скорее к плюсам нашего сожительства. Боба был неприятен и главное – абсолютно безобиден. После неудачной смены или скандала с подружкой я мог послать подвернувшегося под руку Бобу

так далеко, и наговорить ему таких вещей, что всё! – любой дружбе конец! Но через десять минут я, как ни в чём не бывало, стрелял у него сигарету. И в многозначительном молчании мы пускали дым в узкий тамбур прихожей.

Нет, я, конечно, пытался жить с другими женщинами. Но, как бы бурно и многообещающе ни начинался новый роман, со временем он съезжал на давно известный сценарий со слезами, истериками и обвинениями во всех смертных... Выслушав обильную порцию претензий и не выказав желания каяться и клясться в вечной любви, я затевал очередной мучительный переезд.

Жильё «на двоих» с Бобой помимо вполне очевидной экономической выгоды, давало и иные преимущества. Теперь, когда в моих отношениях с женщинами начинало маячить ненавистное «съезжаться», водворение на мою территорию становилось невозможным из-за органичности жилого пространства и наличия ещё одного жильца. А переезд на сторону прекрасной половины откладывался на месяц-другой, «пока друг не подыщет себе нового соседа». За время этих псевдо-поисков отношения неизбежно сходили на нет, и мой «переезд» ограничивался сбором ненужных вещдоков в квартире бывшей возлюбленной.

Работали мы с Бобой почти всегда в разные смены (конечно, когда у него была работа), так что абсолютно друг друга не напрягали.

И вот, впервые за все время нашего безмятежного холо-

стяцкого сосуществования, фигура Бобы на карте моей жизни показалась сомнительным элементом.

Теперь, открывая дверь квартиры, я смотрел на неё иначе: как бы со стороны, свежим взглядом незнакомца, критично оценивающего чужую обстановку.

Я пытался угадать, что подумает обо всем этом Кира? Что смогут сообщить обо мне эти предметы? Какие секреты откроются ей за этими стенами?

Я всерьёз взялся за прихожую: распихал по коробкам нестройные ряды летней обуви, свалил Бобины кеды и сандалии в мусорный мешок, прозрачно намекая на их участь, не разбери хозяин кучу в ближайшее время.

Отчистил кухонную стену, покрытую жирной сыпью – следствием нашего нездорового увлечения морожеными ашановскими чебуреками.

Дольше всего я возился со своей комнатой. Воскресил из небытия ночные шторы. Приклеил на стену постер, скрывающий след чьей-то помады. И даже зачем-то замазал чёрным маркером оголившиеся рёбра стола. Несколько раз я снимал и вешал обратно на ночное бра старый «ловец снов», висевший когда-то над нашей с Кирой кроватью.

Шерстяная выцветшая паутинка, украшенная бусинами из девичьей феньки и варварски вытащенными из наших подушек перьями... Бесприютная и ненужная, она осталась висеть в оставленной Кирой комнате, так и не сумев сберечь нашего хрупкого беззаботного сна.

Стоило ли признаваться в том, что этот нечаянный свидетель разрыва скитался со мной с места на место, затягивая Киру в мои дремучие тёмные сновидения? Я всё-таки решил, что стоит.

Боба надо мной подшучивал: «К нам должна наведаться в ближайшее в'ремя твоя мамаша? Или санэпидстанция?» К моему рвению в наведении порядка он отнёсся равнодушно и вяло «исправлял» свои бытовые промахи...

Пока, наконец, я не выкинул Пирамиду.

Пирамида – была чудом инженерной мысли и арт-объектом одновременно. Мы методично и тщательно возводили ее из окурков последние полгода. Это было похоже на игру в головоломку с поиском баланса или медитативную практику. Каждый раз, когда один из нас втыкал бычок в щетинистый бок Пирамиды, другой, затаив дыхание, ждал, что она вот-вот обвалится прямо на ноги неудачнику и поднимет густое облако табачной золы.

Боба всерьёз считал Пирамиду своим «главным проектом» и даже собирался выложить о ней видео на ютуб-канале.

Но смердящий и шаткий символ нашего холостяцкого пофигизма не мог быть первым, что увидит Кира, ступив на мою территорию.

Поэтому Пирамида отправилась в мусорку.

Впервые Боба лютовал и неистовствовал. Он называл меня последними словами, грозился «съехать к че'товой ма-

те'и» и демонстративно уходил курить на лестничную площадку. Мне кажется, выкинь я всю его обувь разом, он бы меньше расстроился. Боба оплакивал свою Пирамиду как любимого питомца: собаку или кота. Он носил траур по Пирамиде положенные девять дней.

А на десятый приехала Кира.

Как раз в Бобину смену...

Глава 3. Старая новая любовь

***

Как говорит Писание:

Страсть не имей к чужому.

Взгляд ли, одно касание –

Я в него, будто в омут!

Грани запрета строгого

Я всё равно нарушу.

Встану пред оком Боговым

Грешной душой наружу.

Где была длань Господняя

В час, когда он был близко?

Я не молю, чтоб подняли,

Падая низко-низко.

Я не прошу, чтоб поняли,

Не зарекаюсь, ибо...

Каждому свыше доля и

Выпадет либо/либо.

Кира О., октябрь 2016

Её волосы пахли так же: свежим хлебом или травой, разогретой палящим солнцем. Непослушные русые локоны, разметавшиеся по подушке, щекотали ласково щеки, норовя прилипнуть к губам.

Её тело осталось прежним: те же линии и изгибы, те же родинки, длинные пальцы... Та же мелкая нервная дрожь.

Только грудь слегка опустилась. У сосков – бесцветные шрамы. Было видно: она стеснялась. Прикрывала её руками, не давая долго смотреть.

Я любил её, узнавая. Я искал забытые точки. Трогал пальцами и губами, восстанавливал с ними связь. Я не верил, что это возможно – ощущать каждой клеточкой тела безвременность любви и близость, отрицаемую на словах.

Всё теперь казалось возможным. Мы упали, вернулись в «раньше», где остались большие собою, чем в реальном «сейчас и здесь». Все ошибки можно исправить. Все обиды стереть. И снова верить в лучшее и пытаться склеить «вместе», любить и жить...

Проводив её до дверей (Кира хотела побыть одна, чтобы «прийти в себя»), я завис в пространстве тамбура и закурил. Я не мог совладать с собою. В голове и нервным пульсом под

кожей стучали огромные тяжелые вопросы. Что же ДАЛЬШЕ? Что МНЕ делать? С чего начать? Могу ли я принимать решения САМ, ОДИН?

Неотвратимость перемен не поддавалась сомнениям. Я и страшился, и ждал их с тревожным нетерпением. Казалось, какая-то неизвестная энергия, бурлившая до времени где-то глубоко внутри, вдруг поднялась и грозила разом прорваться наружу... Поднося к губам очередную сигарету, я заметил: рука дрожит, – и тихо рассмеялся.

В этот момент в двери раздался скрежет ключа. И, поворочавшись вхолостую, смолк. Кажется, я забыл запереть замок. В проеме появился возбужденный Боба.

– О! П'ивет, б'о⁴! Ты не пове'ишь, кого я сейчас вст'етил у подъезда!!!!

– Надо думать, слова «парадная» ты намеренно избегаешь из-за своей ка'тавости?

Боба на пару секунд завис, осмысляя мой недружелюбный выпад, но махнул рукой:

– А, забей! Я вст'етил дамочку из того лите'ату'ного кафе! Представляешь? Инте'есно, что она тут забыла?

– Действительно. Интересно.

– Что-то ты не выглядишь удивленным.

Боба с подозрением уставился прямо мне в лицо.

---

⁴ Бро – жаргонизм (от англ. brother – брат), ближайший по значению к русскому «братан».

– Погоди-ка, погоди-ка... а ты случайно не...

– Не знаю, о чём ты.

– Да как же! 'езко так увлекся лите'ату'ой, потащил меня на это сбо'ище 'ифмоплетов. Потом слился по пути домой...

– Пффф. Эркюль Пуаро – не иначе!

В ошеломляющей догадке Боба молниеносно сбросил кеды и двинул в мою комнату.

– Куда это ты направился?

Я рванул за ним.

Застыв над раскуроченным нутром кровати, Боба качал головой:

– Ну, ты – жгу-у-у-чий пе'ец, б'о!

Он явно намеревался выдать еще парочку одобрительных рецензий в мой адрес, но я резко дернул его за локоть.

– Иди ты, знаешь куда?

– Ладно, ладно... Пошли чайку выпьем или чего там?

Разливая успокоительный и примиряющий пуэр по чашкам, Боба начал новый заход:

– Так чего у тебя: новая любовь? Все се'ёзно?

– Нет. В смысле не новая.

– Ста'ая значит?

– Старая.

– А насколько ста'ая? Когда вы познакомились?

– Двадцать седьмого мая две тысячи первого года...

Да, я помню точно. 27 мая 2001 года. Это был День

Города. Надвигались последние беззаботные каникулы перед одиннадцатым классом. И, нисколько не переживая за школьные экзамены, мы с друзьями отправились на Невский.

Немного потолкались среди гуляющих и осели в дешёвой и многолюдной «Барракуде» на углу. Каким-то чудом нам достался свободный столик. Купили в складчину одну пиццу и бутылку колы, – такие уж у школьников скромные возможности – расправились с едой за пять минут и сидели, пялились в окно.

И тут один парень из нашей компании, недавно переведённый заботливой мамашей в «нормальную школу», усмотрел своих новых одноклассниц.

Девчонки как девчонки, вроде и выглядят поскромнее наших. Подошли к столику, поздоровались, с парнем этим в щеки расцеловались. Тот аж пунцовый стал от гордости и предложил присесть с нами. А присесть-то и некуда! Свободных стульев нет. А нам ради его одноклассниц встать не охота.

Две девочки стали озираться по сторонам, а третья, не дожидаясь наших любезностей, просто села к незадачливому кавалеру на колени...

Надо было видеть лицо этого товарища! Он явно не ожидал такого расклада и просто замер на своем стуле, как замороженный. Это выглядело так, будто ему на голову села какая-то редкая птица. И вот он сидит и боится, бедняга, по-

шевелиться, чтобы ее не спугнуть.

Я с интересом стал разглядывать девчонку: русые выющиеся волосы до плеч, серые глаза, родинка на левой щеке, в ухе – три серебряных колечка, на руках – какие-то феньки...

Внезапно я понял, что и она меня разглядывает. Так же просто и беззастенчиво. Буквально, – сидит у моего друга на коленях, а смотрит на меня!

Наши взгляды встретились. Я думал, секунда-другая – и девчонка отведет глаза. Но ничего подобного. Она все так же смотрела на меня. Без тени смущения или кокетства, просто, по-настоящему... И... я не знаю, как описать то, что я тогда почувствовал. Это... как будто прыгаешь с тарзанкой, или ухаешь с высоты на американских горках. Какие-то доли секунды ты как бы замираешь в воздухе и раздваиваешься: одна часть тебя уже безвозвратно летит в пропасть и орёт, а вторая остается в начальной точке и висит в пространстве и времени...

Я не знаю, сколько мы смотрели друг на друга... секунд десять? Может, тридцать... Мне казалось, что это длится невероятно долго.

Не могу сказать, что это была любовь с первого взгляда. В тот момент я даже не был уверен, что она мне нравится.

Но было в этом безмолвном нетелесном контакте что-то неотвратимое, что-то запретно-интимное и возбуждающее одновременно. Будто бы мы не смотрели друг на друга, а, едва встретившись, беззастенчиво целовались на виду у всех.

Вот так я встретил Киру.

И безнадежно «влип».

Брошен взгляд, будто мост над Невой:

В два пролета, но неразводной.

Для того, чтоб и после отбоя

Без тебя не остаться одной.

Кира К., май 2001

Глава 4. Ноувумен

Едва заметно другим, тонкой пунктирной линией Кира снова входила в мою жизнь.

Мы встречались три, иногда четыре раза в неделю. Чаще всего она приезжала ко мне домой. Мы смотрели фильмы, болтали, валялись, пили литрами чай и кофе, заказывали пиццу или доедали ресторанный снесь.

Иногда она заходила ко мне на работу. Если было свободно, мы плюхались в обнимку на один из кожаных диванов. Если случался аврал, то Кира просто сидела с чашкой кофе за каким-нибудь столиком так, чтобы я мог ее видеть. И хоть такие встречи больше походили на свидание Штирлица с его женой в кафе «Слон», всё равно они шли в зачёт!

Но больше всего я любил, когда она приезжала утром после моей смены. Выдернутый из сна дверным звонком, я топал непослушными ногами в тамбур открывать. Наспех це-

ловал, стараясь не промахнуться мимо лица, и тут же плёл-ся обратно. Кира ныряла ко мне под одеяло шустрой рыбёшкой. Я обнимал ее покрепче и засыпал. Плотные шторы, очень кстати водворенные мною на место, почти не пропускали свет. И можно было представить, что сейчас не утро, а ночь, что впереди у нас, как минимум, восемь часов в обнимку и целый непочатый день.

Поначалу мне было удивительно: как ей удаётся так часто «улизнуть» прямо посреди рабочего дня. Не дожидаясь моих расспросов, Кира пояснила сама:

– Когда родился сын, все разом переключились на него и отстали от меня!

«Все» – это, надо думать, родители. Мечтавшие о надёжном и перспективном месте для дочери, сразу после института они запихнули ее переводчиком на какой-то оборонный завод. Кира корпела над секретной технической документацией по 8 часов в день и при этом считала себя ярым пацифистом.

– Я просто перешла на «фриланс»: делаю частным образом переводы, занимаюсь репетиторством... Денег, кстати, даже больше!

Неизменно неприкасаемыми оставались только крупные праздники и выходные – суббота и воскресенье («дни семьи», как поясняла Кира), но меня это обстоятельство мало огорчало – я просто выходил в эти дни на работу.

Многим, наверное, такая квартирная «любовь в первую смену» казалась бы странной и даже унижительной...

Но мне она была вполне привычна.

Как бы и где бы ни начинались наши отношения, рано или поздно они оказывались втиснутыми в периметр одной комнаты или, максимум, квартиры. Камерный вариант любовной драмы. Предельное напряжение в минимуме декораций.

Я объяснял это тем, что в более широкую обстановку Кира попросту не вписывалась. Вокруг неё всегда существовало какое-то особое заряженное поле. И проникнуть в него решался далеко не каждый. Когда, например, она занимала столик в шумном баре, где я когда-то работал, никому и в голову не приходило к ней подсесть. Хотя мест всегда не хватало. Даже официантки старались поскорее проскочить мимо. Да и сам я в ее присутствии как-то сразу напрягался, подбирался, начинал следить за каждым собственным словом и жестом. Хотя сама Кира ничего особенного при этом не делала: сидела в задумчивости над чашкой кофе, витала в своих мыслях. Никем не понятая. Отторгнутая шумной и светливой обстановкой вечернего веселья. Загадочный ноумен⁵

---

⁵ Ноумен – философский термин, обозначающий скрытую сущность предмета, постигаемую только в процессе глубокого изучения, в отличие от феноменов, постигаемых восприятием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.